

СТАРООБРЯДЦЫ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII - НАЧАЛЕ XX в.

После присоединения Северного Причерноморья и Крыма к России возникла проблема всестороннего освоения этого обширного малозаселенного края. Решалась она путем стихийной народной колонизации и правительственными мерами по переселению различных категорий крестьян из других регионов Российского государства, а также иностранных колонистов, которым предоставлялись значительные льготы.

В поисках наиболее подходящих и выгодных правительству категорий населения, которых можно было бы с успехом переселить в южные края, взоры предприимчивого Г.А.Потемкина обратились к русским раскольникам. При этом светлейший князь, как справедливо отмечал еще в конце XIX в. А.Иванов, особые надежды возлагал на их фанатическую привязанность к старой православной вере, учитывал их недовольство гонениями, которым староверы подвергались в местах проживания, а также надежды раскольников обрести в новых местах лучшие условия для жизни, в том числе и свободу вероисповедания. Кроме того, правительство рассчитывало этой мерой ослабить идеологическое противостояние в среде русских православных, а заодно надеялось победить раскольническое движение в обширных малозаселенных просторах (1, с. 70).

26 августа 1785 г. Екатерина II издает указ, в котором старообрядцам разрешается селиться на землях между Днепром и Перекопом. На следующий же день, 27 августа 1785 г., ордером князя Потемкина это решение доводится до сведения старообрядцев (6, ф.26, оп.4, д.307, л.1). Переселенцы получали общие для всех привилегии. Они освобождались на 1,5 года от платежа податей, дома свои переселенцы могли свободно продавать, необходимые "письменные виды" должны безотлагательно были выдаваться всем желающим, для строительства домов выделялась древесина с оплатой ее стоимости в течение 5 лет, в долг на 3 года давались мука и семена для посева. Кроме того, на этот же срок переселенцы освобождались от постоя, от платы за перевозки и переправы и других расходов (2, с. 123; 12, с. 79).

Кроме материальных льгот, раскольники получили нечто более для них важное - беспрепятственное отправление служб по старопечатным книгам и право на строительство каменных приходских церквей и монастыря. Именно это побудило многих староверов сняться с насиженных мест и отправиться в незнакомые земли терпеть все трудности и лишения переселения. Старообрядцы уверовали в то, что Потемкин, будучи щедрым на льготы, даст им долгожданное архиерейство - возможность создать собственную иерархию, пусть и находящуюся в некоторой зависимости от господствующей православной церкви. Поэтому, когда архиепископ Екатеринославский и Таврический Амвросий разрешил построить в Елисаветграде старообрядческую церковь во имя Преображения Господня и рукоположил выбранного староверами человека в священники, многие староверы увидели в этом надежды на лучшее будущее (13, с. 45).

По словам епископа Таврического Гермогена, еще в 1752 г. полковник Хорват, находящийся на службе у Елизаветы, заселял нынешнюю Херсонскую губер-

нию разными выходцами из Австрии и Турции, в том числе и русскими раскольниками, переселяющимися сюда "из разных губерний и из Польши" (5, с. 412). Впоследствии они, получив разрешение Потемкина, основали ряд поселений близ Днепра. В 1785 и 1786 гг. в Днепровский уезд переселилась и обосновалась на р.Белозерке значительная партия раскольников. Им было выделено по 50 рублей на семью, состоящую из 4 челвек, помимо общих льгот (3, с. 66).

В 1791 г. из Новгород-Северского наместничества в слободу Днепровка переселилось 137 старообрядцев (8, с. 79). Из Глинского, Роменского, Лохвицкого и Конотопского уездов Черниговского наместничества в Таврическую губернию перешло около 6650 чел. обоего пола, из Курского наместничества - 127 чел. Количество переселенцев из Новгород-Северского наместничества увеличилось до 300 чел. (8, с. 80). Переселенцы оседали на севере Таврической губернии, в основном на территории Мелитопольского и Днепровского уездов.

В целом, довольно выгодные условия привлекли на новые земли поток переселенцев-раскольников не только из Центральных губерний, но и из-за границы, на что и рассчитывала Екатерина II, сообщая Потемкину о намерении вызвать в Россию всех "расселенных вне границы Империи нашей старообрядцев" (6, ф.26, оп.4, д.307, л.2). В 1785-1786 гг. раскольники, некогда ушедшие в Турцию, были покровительно приняты Потемкиным частью в Аleshках, частью в Большой Знаменке Мелитопольского уезда (1, с. 4). В 1794 г. 50 старообрядческих семей, "вышедших из Молдавии и из-за Дуная", переселились на берег р.Днестра, основав Троицкую слободу (9, т. 9, с. 286). Процесс возвращения на родину бежавших раскольников не прекращался и в XIX в. В 1865 г. из Добруджи в Бердянский уезд было переселено 60 старообрядцев. Правительство наделало их землей и пособием по 125 руб. на семью (6, ф.27, оп.1, д.7518, л.1).

Несмотря на предоставленные льготы, переселение проходило в тяжелых условиях. Правительство не могло обеспечить всех желающих необходимым пособием, собственных средств переселенцев было недостаточно для того, чтобы вести безбедное существование на новом месте. Не всегда поселения, основываемые раскольниками, получали в необходимом размере помощь от местной администрации. Д.И.Багaley отмечал, что все преимущества в этом отношении были на стороне иностранных колонистов (3, с. 68-69). В то же время раскольники по сравнению с другими категориями русских переселенцев находились в привилегированном положении. Тем не менее им приходилось ютиться в землянках, часто по 2-3 семьи, испытывать голод и холод (8, с. 81). Тем интереснее замечание современника о том, что старообрядцы "преимущественно перед всеми другими переселенцами отличались трудолюбием, честностью, исправным домоводством и воздержанностью, и потому, прежде всех других переселенцев, разбогатеv, жили в довольстве" (9, т. 12, с. 466).

Старообрядческое движение не было однородным. Еще в XVII в. оно разделилось на 2 основных течения - старообрядцев, приемлющих священство (поповцев) и беспоповцев. Наиболее радикально были настроены беспоповцы. Именно эта секта была носителем тех принципов, которые усвоили староверы в годы острой борьбы с официальной церковью и государственной властью. Не отвергая самодержавия в целом, староверы-беспоповцы и в XIX в. видели в царе воплощение антихриста. Они предпочитали общаться с богом без посредников, с помощью одного лишь избираемого ими духовного наставника. В XIX в. центром беспоповской общины поморского согласия (наиболее многочисленной в Тавричес-

кой губернии) стал г. Бердянск. Беспоповцы всячески притеснялись властями. Отношение государственной власти к другой ветви старообрядчества - поповщине - было более лояльным. Поповцы не противопоставляли себя государству, имели собственную церковную организацию, немногим отличающуюся от официальной. В сущности их единственным требованием было оставить за ними право совершать богослужения и таинства по старопечатным книгам и своим обрядам, что и было им позволено при условии подчинения в иерархическом отношении православной церкви и принятия ими священнослужителей от православных архиереев.

Еще в 1783 г. стародубские раскольники во главе с иноком Никодимом выразили желание воссоединиться с православной церковью. Они настаивали только на том, чтобы их обряды совершались по старопечатным книгам и просили разрешения не брить бороды и не носить европейского платья. Однако их основным условием было предоставление собственного епископа, пусть и назначаемого Св. Синодом, который имел бы право рукополагать священников в сан. Этот вопрос был решен не в пользу старообрядцев. 27 октября 1800 г. Павел I утвердил "Пункты о единоверии", по которым староверам было разрешено учреждать одни лишь приходы в каждой епархии, подведомственные местному епархиальному архиерею.

С введением единоверия старообрядцы-поповцы перестали считаться официальной церковью раскольниками и были взяты ею под свое покровительство, в то время как беспоповцы наряду с духоборами, молоканами, штундистами и другими считались сектантами и вызывали недоверие, а подчас и враждебное отношение со стороны властей.

Первоначально правительство, заинтересованное в скорейшем заселении пустующих земель русскими подданными, шло на уступки и удовлетворяло некоторые требования староверов. Указом от 11 марта 1784 г. и более поздним от 12 марта 1798 г. старообрядцам было разрешено строить каменные церкви и молитвенные дома и отправлять в них службы по своим обрядам (6, ф. 26, оп. 4, д. 307. л. 2, 5).

По разрешению Екатерины II в 1787 г. на левой стороне Днепра староверами, вышедшими из Черниговской губернии во главе с игуменом Иосафом, который стал первым старообрядным архимандритом, был основан монастырь во имя Корсунской иконы Божьей матери, названный поэтому Корсунским. По свидетельству А. Иванова, первоначально он был расположен против Никополя Екатеринославского наместничества, в урочище Карай-дубина. Под монастырь было отведено 3000 десятин земли, но в скором времени это место было признано неудобным, и по распоряжению Екатерины монастырь был переведен в Таврическую губернию в урочище Фролово недалеко от Каховки (4, с. 202). Монастырь открылся 16 мая 1796 г. Инокам было разрешено собирать добровольные пожертвования. И многие знатные особы в Петербурге, Москве и других городах, в том числе сам Г. А. Потемкин, сделали значительные вклады (9, т. 12, с. 469).

В 1811 г. монастырь получил право добывать соль на Перекопских озерах "с платежом за нее что стоит казне добыча соли", т. е. без всяких процентов, при этом доход составлял до 6500 руб. серебром в год. Располагавшийся в живописном месте, Корсунский монастырь был обнесен каменной оградой с 4 башнями по углам и одною на воротах, с высокою колокольней и боевыми часами. На территории монастыря помимо церкви во имя иконы Корсунской Божьей матери, находились еще 3 каменные церкви, одна из них - при кладбище. Двор был занят многочисленными хозяйственными постройками, за его оградой тянулись огороды и виног-

радники, сады с плодовыми деревьями и роща. Богослужение здесь отправлялось по старопечатным книгам. Пение, так называемое столповое, совершалось по крюковым нотам. Одевались служители, как обыкновенные монахи. Отличались лишь клобуком, который у них охватывал темя и всю поверхность головы и оторачивался вокруг тела шелковой бахромою или опушкою. Монастырь состоял в ведомстве Херсонского епархиального архиерея (4, с. 203).

В 1836 г. в Корсунском монастыре проживало 59 монахов (6, ф.26, оп.4, д.657, л.16). Но к 1845 г. большинство монахов умерло, остальные перешли в другие монастыри, а сам монастырь стал православным (9. т. 12, с. 471).

Во время мрачного правления Николая I старообрядцы стали подвергаться большим притеснениям. В 1842 г. был утвержден "Устав о предупреждении и пресечении преступлений" в 62-й статье которого говорилось: "Раскольнические часовни и молитвенные дома, построенные до 17 сентября 1826 г., остаются в том состоянии, в котором они находились до этого момента. Запрещается строить что-либо новое, похожее на церковь, и переделывать, достраивать старые..." Статья 63 этого же Устава запрещала строительство молитвенных домов при кладбищах (6, ф.26, оп.4, д.887, л.51).

Николай I принял немало мер для того, чтобы сделать существование раскольников как можно менее заметным для православных верующих. По распоряжению царя министр внутренних дел в декабре 1840 г. запретил даже колокольный звон на раскольничьих часовнях (6, ф.26, оп.4, д.893, л.51). В качестве наказания за нарушение статьи 58 "Устава о предупреждении и пресечении преступлений" предусматривался ряд мер вплоть до снятия колоколов и передачи их в православные и единоверческие церкви. Запрещалось также устраивать похоронные процессии, во время которых старообрядцы могли бы привлечь внимание православных своим пением, одеяниями и молебном (6, ф.26, оп.4, д.952, л.1). Староверы не допускались в иконописные цехи ради "предупреждения всяких запрещенных законом изображений на иконах" (6, ф.27, оп.4, д.1007, л.1).

С особой строгостью Министерство внутренних дел следило за назначением на государственные и выборные должности, отдавая предпочтение лицам православного вероисповедания. В крайнем случае предлагалось брать на службу староверов-поповцев, единоверцев, но ни в коем случае не беспоповцев или представителей других сект, считавшихся еретическими, не признававших власти царя и отказывающихся молиться за него. В черный список еретических сект, помимо беспоповцев, попали молокане, духоборы, субботники, скопцы и прочие (6, ф.26, оп.4, д.513, л.2).

Немало беспокойства причинили властям священники раскольнических сект, в том числе и староверческих, которые имели обыкновение переходить из губернии в губернию, из одной общины в другую, нарушая паспортный режим, что и давало повод полиции для их преследования.

Беспоповцы, отказавшись от традиционных священников, не могли все же обойтись без духовных наставников, среди которых существовала определенная иерархия, хотя и немного упрощенная по сравнению с православной. Среди беспоповских наставников были так называемые "отцы отцов", в распоряжении которых находились все живущие в данной местности раскольники и которые имели право посвящать в эту духовную должность новых наставников. В функции этих наставников входило наблюдение за жизнью и поведением старообрядцев, а также "профессиональные" обязанности - службы в молельнях, исполнения обрядов

крещения, бракосочетания, погребения, исповеди и т.д. Одной из главных задач наставников была проповедь, призванная поддерживать веру единомышленников.

В 1824 г. Комитет Министров признал “неприличным допускать переходы раскольнических священников для исправления треб из уезда в уезд, а тем более из губернии в губернию” и распорядился “поступать с ними как с бродягами” в том случае, если они не будут иметь при себе документов, удостоверяющих их личность (6, ф.26, оп.4, д.259, л.2).

Православная церковь и официальные органы власти резко осуждали брачные обряды староверов-раскольников, которые были абсолютно неприемлемы для православной церкви. По словам Обер-Прокурора Св.Синода, раскольники не соблюдали никаких предбрачных предостережений, не обращали внимания ни на возраст, ни на степень родства жениха и невесты, не выдерживали положенного срока между обручением и венчанием. Соблюдая замкнутость своей общины, староверы действительно заключали браки, не принимая в расчет родственные узы, тем более что браки с православными были нежелательны (17, 1904, ч.5, с.327).

Свобода в вопросах брака служила постоянным предметом раздора между староверами и православным духовенством и обсуждалась в печати, несмотря на негласный запрет о дискуссиях по поводу различий в обрядах. Наибольшему осуждению подвергалась старообрядческая секта федосеевцев, особенно отличавшаяся грубым нарушением общепринятых норм заключения браков. Брачный вопрос всегда оставался в поле зрения царской администрации, и на протяжении XVIII-XIX вв. вышло немало указов, суть которых состояла в том, что любые браки, заключенные не православными священниками, считались недействительными, а дети от таких браков - незаконными. Обеспечить своих детей законными правами раскольники могли только одним способом - обвенчавшись в церкви по православному (единоверческому) обряду. В этом случае дети считались законнорожденными, независимо от того, были ли они рождены до венчания или после (6, ф.26, оп.4, д.1284, л.1). Обычно же записи о рождении ребенка вносились в бытовые книги, в которых жены раскольников числились в списке тех семей, к которым принадлежали по рождению. При этом дети записывались в графу “незаконнорожденные” (6, ф.26, оп.4, д.1260, л.1). Только в 1874 г. был издан царский указ “О метрической записи браков, рождений и смертей раскольников”, который имел прогрессивное значение еще и в том смысле, что признавал браки раскольников и рожденных от этих браков детей законными (6. ф.21, оп.2, д.781, л.1). Вместо православного венчания допускалась возможность ограничиться одним лишь гражданским актом регистрации, хотя подобное бракосочетание считалось формальностью и сводило брачный союз, по мнению служителей церкви, до уровня простого контракта, заверенного в полицейском управлении. Несмотря на очевидные выгоды нового положения, раскольники не спешили писать заявления, на основании которых их имена вносились в метрические книги. Веками они привыкли не афишировать свою религиозную принадлежность и теперь не желали признаваться в этом.

На протяжении столетий церковь вела борьбу за соблюдение чистоты веры и распространение своего влияния на умы и души, поэтому пресекала любые попытки всех прочих религиозных сект пополнить свои ряды выходцами из православия. Случаи перемены веры были немногочисленными и назывались либо “переходом в православие”, либо “сворачиванием в раскол”. Церковные власти приветствовали первые и всячески стремились препятствовать последним. Борьба шла

с переменным успехом, но острого характера не принимала. Случаи обращения в православие фиксировались в "Таврических епархиальных ведомостях" - несколько раз в месяц. Иначе обстояли дела с "совращением православных в раскол". Люди, по тем или иным причинам разочаровавшиеся в православии и вступившие в религиозное общество старообрядцев, делали это тайно, поскольку "совратителю" грозила уголовная ответственность. Высшей инстанцией, которая занималась рассмотрением подобных дел, была Духовная Консistorия, руководствовавшаяся при вынесении вердиктов статьей 60 Свода Законов: "Раскольники не преследуются за мнение их о вере, но запрещается им совращать и склонять кого-либо в раскол свой под каким бы то ни было видом, чинить какие-либо дерзости противу правящей Церкви или противу священнослужителей и вообще уклоняться почему-либо от наблюдения правил благоустройства, законом определенных" (6, ф.26, оп.4, д.887, л.59).

Наиболее распространенной причиной смены вероисповедания были браки между православными и раскольниками. Отдавая в этом отчет, церковь разрешала подобные союзы только в том случае, если последствием их был переход в православие (6, ф.26, оп.4, д.637, л.18). В противном же случае "... с раскольниками, сочетающимися браком с православными в раскольнических церквях, домах и часовнях, равно и попами их или иными лицами, совершающими таковые браки, поступаемо было на общем основании как с совратителями. т.е. предавать суду для поступления по законам" (6, ф.24, оп.4, д.591, л.1).

В архивах хранится немало дел о заключении подобных браков, когда один из супругов переходил из православия в беспоповскую секту или какую-либо другую. Если глава семьи был беспоповцем, то рано или поздно его жена и дети, которые могли быть крещены по православным обычаям, переходили в его веру. В таких случаях приходской священник должен был преподать "пастырское увещание", целью которого было вернуть "заблудшихся" в лоно православной церкви. Но, как правило, такие попытки оставались безуспешными, хотя и предпринимались неоднократно. Духовным пастырям ничего не оставалось делать, как смириться с потерями при условии, что новоявленные беспоповцы обязуются не распространять свое влияние за пределами семьи.

Если по отношению к "совращенным" предпринималось только пастырское увещание, то раскольникам, проповедующим свое учение, грозило более суровое наказание - взятие под стражу и высылка в места жительства. Чаще всего так поступали с бродячими проповедниками. Не исключалось и тюремное заключение. В 1862 г. в Бердянске шестимесячному заключению был подвергнут беспоповец филипповского согласия Назаров, который "совратил" семью купцов Мироновых в свою веру (6, ф.118, оп.1, д.132, л.5). Раскольникам не разрешалось брать на воспитание детей православного исповедания (6, ф.26, оп.4, д.955, л.1).

Как видно, ограничений раскольников в их действиях и образе жизни было достаточно для того, чтобы можно было говорить об их притеснении. Представителям сект, в число которых входили беспоповцы, разрешалось "нанимать за себя в рекруты только из среды себя, а отнюдь не из православных". Нарушителей этого правила отдавали по суду в солдаты "не в зачет обществу" (6, ф.26, оп.4, д.909, л.1). В армии раскольники не преследовались за веру, но при малейшем подозрении в том, что они ведут какие-либо разговоры на религиозные темы и тем самым распространяют свое учение, они переводились в другую часть - на Кавказ или в Сибирский Оренбургский Корпус (7, ф.118, оп.1, д.288, л.2).

В течение длительного времени виновные в распространении раскола высылались в Закавказский край, особенно молокане. Туда попало и немало старообрядцев за “преступления против веры” или путем добровольного переселения из центральных губерний. Переезд последних ограничивался рядом условий, главным из которых был запрет переселяться тем старообрядцам-беспоповцам, в семьях которых были православные (6, ф.26, оп.4, д.911).

3 мая 1883 г. император утвердил предложение Госсовета о даровании раскольникам некоторых гражданских и религиозных прав. Местной администрации было запрещено закрывать молитвенные дома, поскольку это давало раскольникам повод выражать недовольство и обвинять власти в преследованиях инакомыслящих. Губернаторам предлагалось в случае необходимости закрытия молитвенных домов согласовывать это с Министерством внутренних дел (6, ф.27, оп.1, д.8976, л.1). Всем раскольникам, кроме скопцов, выдавались паспорта для “отлучки внутри империи” на общих основаниях, но при этом предупреждалось, что религиозная пропаганда по-прежнему является преступлением, за которое следует уголовная ответственность вплоть до лишения свободы передвижения. Раскольники допускались к занятию должностей, но только в том случае, если они “не замечаются в распространении своих заблуждений между православными”. Было разрешено исправлять духовные требы и молитвы в особо предназначенных для этого зданиях, которые получили официальное название молитвенных домов. Подчеркивалось, что молитвы не должны быть публичными. Разрешалось восстанавливать и строить новые молитвенные здания. Был снят запрет на украшения молитвенных домов крестами и иконами, что раньше считалось оскорблением религиозных чувств православных. Губернаторам предлагалось вводить новый закон с большой осторожностью и “внушать заблуждающимся, что даруемые Правительством облегчения обязывают их с большей готовностью строго повиноваться установленному законом порядку и воздерживаться от всякой вражды к Православной Церкви или порицания ее, а тем более покушений привлекать других к своим заблуждениям” (6, ф.27, оп.1, д.7977, л.1,2).

Бурное начало XX в. обещало перемены во многих сферах общественной жизни. Революция 1905-1907 гг. вынудила царское правительство скорректировать свою политику в вопросах свободы вероисповедания. 17 апреля 1906 г. был издан указ, который установил право свободного и беспрепятственного исповедания веры, а также отправление религиозных обрядов для всех толков старообрядчества и для всех сект, отпавших от православной веры, за исключением “изуверных”, сама принадлежность к которым преследовалась в уголовном порядке. Этим указом снимались всякие ограничения на занятия государственных должностей раскольниками, хотя, “по мнению Департамента, принятие на государственную службу сектантов надлежало бы производить с особой осторожностью, тем более, что в настоящее время нет возможности иметь уверенность, что к сектантским обществам примыкают многие исключительно по религиозным убеждениям, а не по причинам политического свойства” (6, ф.27, оп.1, д.10754, л.9).

Опасение новых революционных волнений заставило правительство устанавливать надзор и за религиозными собраниями староверов, которые запрещались при малейшем подозрении в том, что на них обсуждаются вопросы не религиозного, а политического характера. Через несколько месяцев, 17 октября 1906 г., всем сектантам, вышедшим из православия, в первую очередь старообрядцам, было дано право объединяться в общины. Признание официального статуса старообряд-

чества несомненно стало самой значимой уступкой православной церкви и правительства раскольникам за всю историю их непростых взаимоотношений. Правительство признавало, что старообрядчество - "не особое вероучение, отрицающее учение Православной Церкви, а ... выражение особого, исторически сложившегося ошибочного воззрения на каноничность Господствующей Церкви" (6, ф.27, оп.1, д.10754, л.30).

Уступка была вынужденной, и правительство в "разъяснениях к пунктам вышедшего указа, по традиции отправляемых в губернские правления, спешило уверить представителей официальной церкви, что по-прежнему находится на страже их интересов. В них указывалось, что "... вне молитвенных домов проповедническая деятельность не допускается, так как одна лишь Господствующая Православная Церковь имеет право проповедовать свое учение и убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев к принятию такового" (6, ф.27, оп.1, д.10754, л.31). Запрещалось раздавать пригласительные билеты в присутствии православных, расклеивать афиши и плакаты, распространять печатные издания религиозной тематики. Статьи 73, 74 и 90 Уголовного Уложения предусматривали наказание за обсуждение вопросов нерелигиозного характера на молитвенных собраниях; за совращение православия и порицания догматов православной церкви.

Несмотря на эти и другие ограничения, старообрядцы получили больше свободы вероисповедания. Первыми воспользовались правом объединяться в общину старообрядцы с. Большая Знаменка Мелитопольского уезда. 28 января 1908 г. была зарегистрирована Большезнаменская община старообрядцев, приемлющих священство Белокриницкой иерархии (поповцы). Она имела одного наставника и один молитвенный дом. Следующей была внесена в августе 1910 г. в реестр сектантских общин Бердянская община старообрядцев Поморского брачного согласия при храме Вознесения Господнего. Эта община тоже имела один молитвенный дом и одного духовного наставника. Подали прошение на организацию в общину старообрядцы Севастополя, Ялты, Феодосии, Керчи и окрестных деревень об учреждении Успенской старообрядческой общины.

Оценивая правительственные указы, касающиеся староверов, вряд ли можно оправдать нетерпимость к ним, поскольку старообрядцы в XIX - начале XX в. не представляли собой силу, способную к активной борьбе с церковью, и не создавали серьезной угрозы существующему порядку. Впрочем, местные власти редко следовали указам буквально, поскольку староверы, по сравнению с другими религиозными сектами, не доставляли им особого беспокойства. На многие их проступки с точки зрения православной веры нередко смотрели снисходительно. От них требовалось только одно - не заявлять о себе публично. Если же это происходило, государственный аппарат решительно вставал на защиту православной церкви.

В периодически публикуемых "Таврическими епархиальными ведомостями" отчетах православных миссионеров о состоянии раскола в Таврической губернии регулярно приводится статистика о единоверцах, иноверцах и раскольниках. Под раскольниками обычно понимались старообрядцы, не принявшие единоверия, но очень часто к ним присоединяли молокан, духоборов, субботников, хотя их принято было называть сектантами. Это вносило путаницу в ведомости о численности религиозных обществ. Данные ведомостей нельзя считать достоверными и исчерпывающими и по той причине, что местные власти, а также православные священники, в чьи обязанности входило наблюдение за прихожанами, долгие годы могли

не иметь сведений о числе староверов, поскольку те скрывали свою религиозную принадлежность. В искаженном виде статистические данные поступали в губернское правление, а затем в Министерство внутренних дел.

Статистика о единоверцах велась отдельно. В 1889 г. они проживали в основном в селах Большая и Малая Знаменки Мелитопольского уезда в количестве 12997 чел. (17, 1889, №21,22,23, с. 955) и составляли особый округ. В 1894 г. их количество увеличилось до 15000 чел. (17, 1894, №30, с. 830). Старообрядцы, не присоединившиеся к православию на правах единоверия, были рассеяны почти по всем уездам и городам Таврической губернии. Полицейские управления, градоначальства и земские суды обязаны были ежегодно поставлять Таврическому губернатору сведения о числе раскольников. Из этих ведомостей за 1828-1836 гг. следует, что много старообрядцев проживало в Ногайске, где в 1830 г. насчитывалось 226 беспоповцев (6, ф.26, оп.1, д.6488, л.23). В это же время в Каховке проживало 6 поповцев, в Чаплынке - 8, в Алешках - 11 поповцев и 16 беспоповцев (6, ф.26, оп.1, д.6488, л.17,19). Судя по отчетам губернаторов, до конца 30-х гг. XIX в. старообрядцев не было в Симферополе, Орехове, Евпатории, Бахчисарае, Карасубазаре, Старом Крыму, Керчи, Ялте. В 40-е гг. число старообрядцев в Таврической губернии постепенно растет. В 1843 г. в Днепровском уезде проживало уже 89 старообрядцев, приемлющих священство. Из неприемлющих священство (беспоповцев) было - 4 чел. в Днепровском и 546 в Мелитопольском уездах (7, ф.1263, оп.1, д.1637, л.1661). Среди них преобладали молокане и духоборы. В бердянском уезде в 1849 г. проживало 544 старовера против 292 чел. в 1836 г. (6, ф.26, оп.1, д.657, л.9). В эти годы растет число старообрядцев и в Крыму. В 1847 г. в духовной консистории было заведено дело о старообрядцах деревни Мала-Чокрак Феодосийского уезда, расположенной на берегу Азовского моря, неподалеку от Керчи. Тогда здесь проживало 7 старообрядцев, работавших на рыбном заводе Типакова, который сам был старовером. В последующие десятилетия число старообрядцев там неуклонно росло. В 1915 г. их уже было 300 чел. (6, ф.27, оп.13, д.5103, л.17).

В 1885 г. староверы уже обосновались в Евпаторийском, Феодосийском уездах, в городах Ялте, Евпатории, Симферополе. Всего в таврической губернии в это время насчитывалось 13066 староверов (7, ф.1263, оп.1, д.4546, л.372). Число их неуклонно возрастало. В 1904 г. в губернии было уже зарегистрировано 15950 чел. (17, 1904, №17, с. 1131).

В 1917 г. в Мелитопольском уезде проживало 400 беспоповцев, в Бердянском - 361, в Феодосийском - 238, Днепровском - 53, Евпаторийском - 97, Ялтинском градоначальстве - 14 чел. В это же время беспоповцев насчитывалось в Евпатории - 120 чел., в Бердянске - 2892, Мелитополе - 69, Ялте - 31, Орехове - 10. Значительно меньше было среди староверов губернии поповцев. Их насчитывалось в Феодосийском уезде - 279, Мелитопольском - 294, Бердянском - 373, Днепровском - 34, Ялтинском градоначальстве - 11 чел. (7, ф.1284, оп.194, д.49, л.66,67).

Священники, составляющие отчеты для "Таврических епархиальных ведомостей", утверждали, что количество староверов увеличивается за счет естественного прироста населения, а, отнюдь, не из-за распространения раскола. И действительно, старообрядцы открыто не пропагандировали свою веру и очень осторожно выражали свои взгляды, поскольку это всегда грозило им неприятностями. Более реальное их число выяснилось в начале XX в., когда была провозглашена свобода вероисповедания. Староверы смогли объединиться в общины и открыто заявить о

себе. Наиболее многочисленными среди старообрядцев губернии были беспоповцы. Их судьбы и жизнь можно проследить более менее обстоятельно в Бердянске, благодаря сохранившимся различным материалам. Старообрядцы переселялись сюда из Курской губернии еще в 40-е гг. XVIII в. В 1825 г. у староверов Бердянска, принадлежащих в большинстве своем к беспоповской секте поморского согласия, приемлющей браки, был свой молитвенный дом, в котором они отправляли традиционные службы, находили утешение в молитве и получали поддержку единоверцев (17, 1905, №3, с. 171). Это имело для них огромное значение, поскольку они находились в меньшинстве, постоянно опасаясь вызвать недовольство церковных и гражданских властей. Молитвенный дом располагался в частном строении купеческой семьи Безсоновых. В 1845 г. он был закрыт по распоряжению губернатора. Причиной была нетерпимость православной церкви к "отщепенцам", а также конкретное свидетельство священника г. Ногайска о том, что Безсоновы замечены в "распространении раскола" (6, ф.26, оп.4, д.421, л.10). Одного из них - Козьму Безсонова - бывшего у беспоповцев наставником, сослали за это в Закавказье (6, ф.26, оп.4, д.887, л.14).

В 1848 г. беспоповцы снова открывают молельную, а когда занимаемое ею место понадобилось под постройку ратуши, она была перенесена в дом Пелагеи Безсоновой. Молельная могла вместить до 100 чел., но этого оказалось недостаточно, и еще одна, рассчитанная примерно на 20 чел., открылась в доме К.Скрылева. Обе они находились в южной части города, называемой "Пески", и посещались исключительно старообрядцами (6, ф.118, оп.1, д.1315, л.8).

Из отчета Бердянской городской полиции Таврическому губернатору (6, ф.118, оп.1, д.1315, л.1,2) и докладной начальнику Бердянска священника Андрея Шаркова (6, ф.26, оп.4, д.887, л.46,47) можно составить представление о внутреннем убранстве молельной. На восточной стене этой комнаты, находящейся под одной крышей с жилыми помещениями, но имеющей отдельный выход на улицу, висело много икон старинной живописи с изображениями 12 апостолов. Центральное место занимала икона спасителя с Богоматерью и Иоанном Крестителем. Во время молитв перед иконами и в паникадиле, прикрепленном к потолку, зажигались свечи. Престолов в молельной не было, но перед иконами находился аналой для чтения евангелия и других служебных книг: псалтыря, триода, требника - старопечатных или переписанных от руки. В доме не было церковной утвари.

Молитвенные службы старообрядцев исполнялись в одни и те же часы с церковью и состояли из чтения утрени, вечерни и часов с обедницей. В молельную староверы собирались по призыву почтового колокольчика, висевшего на окне. Молящиеся опускались на колени на маленькие четырехугольные подушечки. Отличались от православных и обряды крещения, бракосочетания и погребения. При крещении и бракосочетании ограничивались тем, что кадили ладаном и отправляли молебен, а во время погребения пели "Святой Боже" и клали по 15 поклонов за упокой души умершего (6, ф.118, оп.1, д.1315, л.8).

Внешне молельная староверов не привлекала к себе внимания. Звон их почтового колокольчика нельзя было сравнить с колокольным перезвоном на православных церквях. Даже религиозные пения исполняли вполголоса. Тем не менее, староверам нередко предъявлялись обвинения "во внешнем сказательстве раскола" - имелось в виду крещение детей, которое иногда, по желанию родителей, проводилось в частных домах, а не в молельной, а также особые обряды на кладбище. 14 ноября 1858 г. Херсонская Консистория постановила опечатать молельную,

“арестовать” находящееся в ней имущество и выслать уставщиков Безсонова, выходца из курской губернии, и новороссийского мещанина Алипова - на места жительства (6, ф.118, оп.1, д.1315, л.20,31), В 1859 г. молельная была закрыта (12).

Беспоповцы не оказали никакого активного сопротивления. Они лишь просили о разрешении ходатайствовать о возвращении имущества, которое было в основном частной собственностью. Кроме того, с этого момента они начали регулярно обращаться с просьбами об открытии молитвенного дома в различные инстанции, в том числе в 1866 г. к царю. В этом прошении они называли себя великороссийскими людьми поморского согласия, принадлежащими к древней православной церкви, молящимися за царя и приемлющими браки. Замечательно заключение: “Мы не только далеки от мысли совращать в старообрядчество людей господствующей церкви, но готовы даже детей наших не отклонять от желания присоединиться к ней ... и будучи чужды всякого фанатизма, никогда не станем упрекать их” (12). Судя по всему, беспоповцы добились права проводить собрания в молитвенном доме. Во всяком случае, в 1903 г. в “Таврических епархиальных ведомостях” упоминается о том, что в Бердянске действует молитвенный дом, “заурядный и ветхий” (17, 1903, №24, с. 1713).

В Бердянске беспоповцы всегда преобладали среди староверов. В 1894 г. их насчитывалось 655 чел., а в 1904 - 1431 чел. (17, 1894, №30, с. 830; 1904, №4, с.261). Видную роль в старообрядческом обществе долгие годы играл родственный клан купцов Безсоновых. В рапорте за 1870 г. портового начальника Бердянска указывалось, что в городе проживают 142 мужчины и 151 женщина из купцов, входящих в беспоповскую секту, а также 122 мужчины и 116 женщин из мещан (6, ф.26, оп.4, д.1868, л.14). Из числа этих купцов десять семей, состоящие из 63 мужчин и 67 женщин, носили фамилию Безсоновых (6, ф.118, оп.1, д.1315, л.61). В доме одной из семей Безсоновых долгие годы находилась молельная, а старшие представители этой семьи исполняли обязанности наставников (уставщиков).

Но большая часть старообрядцев в Бердянске принадлежала к бедноте и занималась “черной работой”: земледелием, ремеслом, мелкой торговлей (6, ф.26, оп.4, д.1868, л.14). В целом “Таврические епархиальные ведомости” жизнь староверов называют “зажиточной”, считая, что причиной этому является исторически сложившаяся замкнутость староверческой общины. Долгие годы живя обособленно, староверы выработали определенные правила, придерживаться которых старались и в начале XX в. Они следили за тем, чтобы их частная собственность оставалась внутри общины. Этому способствовали и браки, нередко заключавшиеся между близкими родственниками. Следствием такой замкнутости было то, что земельные угодья староверов, их имения и предприятия, как частные, так и общественные, росли. Материальный достаток давал возможность выделять часть средств для поддержки своей веры. Развитая взаимопомощь помогла старообрядцам быстро встать на ноги в Таврической губернии (17, 1904, №5, с. 324).

Беспоповцы были не единственной ветвью старообрядчества на территории Таврической губернии. Сами они также делились на несколько толков или согласий, наиболее известными из которых были: поморский, федосеевский, филипповский, толк странников (бегунов). Из менее известных можно назвать Аароново согласие, Спасово и Часовенное, самокрещенцев, Рябиновцев, Калиновцев, Немоляков (6, ф.27, оп.1, д.11779, л.72).

Двумя другими ветвями старообрядчества в таврической губернии были: белопоповцы и поповцы, представители белокриницкого согласия (или австрийско-

го). Беглопоповцы или “приемлющие священство, переходящее от господствующей церкви”, принадлежали к Дьяконову и Лужковскому основным соглашениям (6, ф.27, оп.1, д.11779). Однако, количество беглых священников, как правило, было незначительно. Испытывая недостаток в последователях, беспоповцы были вынуждены примкнуть к поповцам. Эти две секты не слились к началу XX в. окончательно, но в статистических отчетах количество их членов объединялось. “Таврические епархиальные ведомости” предпочитали называть поповцев последователями австрийской иерархии (австрийскими). О них говорилось как о “сильных некогда своим количеством и влиянием”, но потерявших к началу XX в. всякое значение в глазах православных и других раскольников (17, 1903, №24, с.1713). Однако в отчете оберпрокурора Священному Синоду за 1900 г. отмечается, что эта секта, иерархия которой по внешнему виду схожа с православной, по-прежнему привлекает новых последователей, которые “по малоразвитости своей, будучи не в состоянии за этим внешним сходством усмотреть внутреннюю несостоятельность австрийщины, иногда уклоняются в эту секту” (17, 1904, №5, с. 326). Свидетельством того, что течение старообрядцев-поповцев было довольно сильным, хотя и не таким многочисленным как беспоповцы, является то, что они первыми организовались в Общину старообрядцев, приемлющих священство Белокриницкой иерархии, зарегистрированную в 1908 г. в с.Большая Знаменка.

К концу XIX - началу XX вв. внешний облик старообрядцев сильно изменился не только по сравнению с XVII в., но даже и с первой половиной XIX в. Время не могло не наложить отпечатка на внешний облик староверов и на их мировосприятие. Ушли в прошлое традиционная одежда и длинные бороды. Старики с неодобрением смотрели на молодое поколение начала XX в., отдававшего предпочтение современной одежде и прическам, осуждали появившуюся тягу к спиртному и табаку. Дети старообрядцев, которые раньше обучались грамоте и чтению уставщиками и наставниками, теперь отпускались родителями в церковно-приходские, земские школы и гимназии, где вместе с православными детьми учили “Закон Божий” и по очереди читали православные молитвы перед началом урока. В 1903 г. школы посещало 57 детей Бердянских раскольников, не считая обучающихся в гимназии (17, 1903, №24, с. 1718). Это сближало молодое поколение староверов с православными и ослабляло религиозный фанатизм стариков. В “Православном обозрении” в январе 1867 г. отмечалось, что если раньше старообрядцы с презрением относились к православным священникам и избегали их, то теперь “при встрече со священниками не отворачиваются, но, напротив, свободно отдают им почтение, не чуждаются разговоров с ними, а иногда ... с доверчивостью обращаются к ним в своих домашних нуждах. Наконец, они соглашаются на приведение их к присяге православными священниками под тем условием, чтобы по принесении присяги целовать слова Евангелия старопечатного и крест старинного иконописания” (12, с. 341).

Мало изменилось отношение староверов к местным властям. “Образ жизни беспоповцев, - говорилось в рапорте Таврическому губернатору портового начальника Бердянска в 1861 г., - есть обыкновенный и общий мужицкий ... В нравах видны: грубость, упрямство и своенравие; если же покорность, то сопряженная с лукавством и фанатизмом ... В отношении к правительству заметны открытость и фальшивая покорность” (6, ф.26, оп.4, д.1868, л.14). В 1903 г. “Таврические епархиальные ведомости” также отмечали, что старообрядцы “гражданской власти если и оказывают почет и повиновение, то только из-за страха, не питая к ней

ровно никакой симпатии” (17, 1903, №24, с. 1718). Вместе с тем современники подчеркивали, что “староверы никогда не выражали открыто своих презрений к местным властям, а иногда заслуживали одобрение за свои верноподданнические чувства, в которых не уступали православным. Но истинное положение вещей не было тайной ни для кого” (14, с. 323-341).

Православная церковь, бдительно следившая за раскольниками, обратила внимание на происходившие перемены и постарались проанализировать причины. Ее вывод был таков: раскол (старообрядчество) по-прежнему занимает сильные позиции и представляет угрозу для православия, но прошедшие в нем изменения носят глубокий и, возможно, необратимый характер. Перемены коснулись всех течений старообрядчества. Беспоповцы потеряли прежнюю сплоченность и стойкость в убеждениях, “а посему вполне понятен внутренний между ними раздор и даже охлаждение к уставу старообрядчества” (17, 1903, №24, с. 1714). Беспоповцы Бердянска ввели молитву за царя и его семью, объясняя это тем, что “со времени Никона царствует в мире не плотский антихрист в лице царя православных, а духовный антихрист в лице православной церкви” (17, 1903, №24, с. 1716). Изменились некоторые обряды.

В начале XX в. возникли разногласия среди поповцев Петербурга и Москвы, а их отзвуки достигли и Таврической губернии. Исходным началом послужило недовольство Белокриницкой иерархии московскими староверами этого же толка, особенно попечителями или выборными из богатого московского купечества, задававшими тон всему “поповщинскому расколу”. Это недовольство фактически выразилось в упразднении московского “духовного совета” и в стремлении противопоставить силе московских заправил раскола авторитет всероссийских соборов или съездов. Центром их проведения становился Нижний Новгород - город, который, благодаря Макарьевской ярмарке, ежегодно собирал огромное количество людей из разных уголков России. Однако появившиеся разногласия не являлись свидетельством ослабления раскола, а, напротив, говорили о том, что старообрядцы-поповцы стремились консолидироваться и упрочить свои позиции.

Живучесть старообрядческого движения определялась, конечно, серьезными обстоятельствами. Известный исследователь старообрядчества С.П.Мельгунов справедливо отмечал, что “старая вера” становилась девизом в борьбе за экономическое благополучение, за социальное равенство и политическую свободу. “Старая вера” - это идейное знамя для народной оппозиции, признаваемая стихийным народным движением, характер планомерной борьбы - не за одни только материальные блага” (15, с. 10). Многие люди действительно видели в “старой вере” ту силу, на которую можно опереться в борьбе с несправедливостью, нищетой, со своим тяжелым положением в обществе. Поселяясь в регионах интенсивного хозяйственного освоения, в том числе в Таврической губернии, староверы надеялись хотя бы частично реализовать свои идеалы. Несмотря на идеологическое противостояние, для правительства староверы представляли во всех отношениях выгодный объект переселенческой политики. Не случайно местные власти Таврической губернии еще до известной либерализации зачастую снисходительно относились к староверам. Большинство населения губернии, исповедовавшее ортодоксальное православие, в целом терпимо относилось к ним. При отсутствии в данном регионе исторических корней староверческого движения, в условиях мирного сосуществования различных конфессий, особенно в Крыму, в обстановке относительно меньшей социальной напряженности религия староверов не имела шансов для широкого распрост-

ранения. Не случайно и после ликвидации крайних форм притеснения староверов и ограничения их гражданских прав резкого увеличения их числа в губернии не произошло.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов В. О поселении раскольников в пределах нынешней Таврической губернии // ИТУАК. 1889. №7.
2. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775-1800 гг. - М., 1956.
3. Багалея Д.И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. - Киев, 1889.
4. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.ХI. Ч.2. Таврическая губерния. - СПб., 1849.
5. Гермоген, епископ Таврический. Справочная книжка о приходах и храмах Таврической епархии. - Симферополь, 1886.
6. Центральный государственный архив Автономной Республики Крым (ЦГААРК).
7. Российский государственный исторический архив.
8. Секиринский С.А. К вопросу о заселении Крыма в конце XVIII в. // Известия Крымского пединститута. Симферополь, 1957. Т.23.
9. Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД).
10. Корсунский мужской монастырь. - Симферополь, 1897.
11. Памятная книжка Таврической губернии. - Симферополь, 1889.
12. Православное обозрение. 1867, январь.
13. Православное обозрение. 1867, май.
14. Православное обозрение. 1867, сентябрь.
15. Мельгунов С.П. Москва и старая вера. - М., 1917.
16. Никольский Н.Е. История русской церкви. - М., 1985.
17. Таврические епархиальные ведомости.

MOISEENKOVA L.S.

OLD BELIEVERS IN TAURIDA PROVINCE AT THE END OF THE 18th - THE BEGINNING OF THE 20th CENTURIES

Summary

According to the Decree (ukaz) of Catherine II from August 26, 1785, Old Believers were granted the permission to settle on the lands between the Dnieper and Perekop. The government gave some privilege, which stimulated the migration of a part of Old Believers to low-developed districts, including Taurida Province.

The first migrants from Chernomorsk, Kursk and Novgorod-Seversk provinces settled mainly on the territory of Melitopole and Dnieper districts. During the following decades the area of Old Believers' settling enlarged. They came to the Crimea. In 1885 there were more than 13,000 Old Believers in Taurida Province, mainly without priests.

Old Believers were oppressed by the government and official Orthodox Church. Only according to the Decree from April 17, 1905, they were granted the freedom of religion.

Old Believers made a certain contribution to the development of Taurida Province. At the same time they were not of great importance in social-political life. They had no objective conditions for the development of mass movement of Old Believers in Taurida Province.